

*Девочке из вчера, благодаря которой
возможно сегодня, и дочери Вере,
которая однажды пройдет по своей тропе*

ОТЗЫВЫ

Оглавление

Введение	13
20	17
Не смогу без него	19
Нравится, что мы такие разные	22
Когда мы будем вспоминать эту чертову бедную юность	27
Как долго осталось и есть ли смысл?	31
Больно, что поверила своим чувствам	35
21	39
Не учите меня любви	41
22	45
О чем я мечтаю в двадцать два года	47

Когда мне становится страшно,
я всегда сжигаю мосты 51

А где была я? 56

Хочу другую себя 59

Три значимых человека 61

23 65

Из пустого в порожнее 67

Комфортное болото класса люкс 70

Мы не случились, и это нормально 77

24 79

Как будто кто-то шел рядом — и оставил 81

Мальчикодруги 85

Считаешь ли ты себя привлекательной? 89

Ощущение, будто тебя обворовали 94

Как мы выбираем себе счастье 97

Между взрослыми и капец какими взрослыми 99

Со всей дури столкнувшись бамперами 105

Зачем кому-то знать про коньяк 109

Внутренняя мясорубка 114

25 **117**

Меня никто не любит	119
Продалась	123
Нельзя останавливаться	126
Не бояться признаться самой себе, что ты ошиблась	130
Тоска по влюбленности	133
Закрытые люди	136

26 **139**

Больше нет сил, но игра не закончена	141
Сложные решения не даются легко	144
А жизнь, черт возьми, налаживается	147
То, что умерло	150
Соберись, тряпка	154
Срок годности страданий скоро кончится	158
Дикая усталость	160

27 **165**

No drama	167
Все сложнее открывать себя кому-то	170

Не осталось сил быть сильной	173
Зачем зарабатывать деньги	175

28 179

На одной волне	181
Встретимся никогда. Никогда тебя устроит?	185
Счастливая	189
Не справилась и не забыла. Я помню все	192
Наконец чья-то	197

29 199

Лучше всего я умею уходить	201
Уметь себя прокормить, не ломая при этом свою душу	204
Хотели как лучше	209
Когда нечего терять — что терять?	213

30 217

Лишняя на встрече выпускников	219
-------------------------------	-----

31 223

Когда ты будешь готова, ребенок явится. Серьезно?	225
--	-----

Что со мной будет?	230
Не шутка, не понарошку, не показалось	234
Работа на себя, а не на чужую идею	236

32 239

Вне зоны доступа	241
Из грязи, крови и слизи	245
Лето, полное света	249
Если бы мне кто-нибудь тогда сказал	250
Какая бы жопа «не», у меня есть я	254

33 261

Любовь — всё	263
--------------	-----

34 267

Чертовски важно	269
Как в стыдной мечте	273
Предложение написать книгу	275

35 277

Оливка умирает	279
Уход в никуда	281

Какой же кайф учиться, будучи взрослой 283

Пусть все будет хорошо 286

36 287

Кубышка в сборе 289

Свобода и самые вкусные яблоки 293

37 297

38 301

Когда все написанное кажется говном 303

39 307

И ничего про чувства 309

40 313

Совершенно другая музыка 315

ВВЕДЕНИЕ

Эта история начнется с двадцатой главы.

Именно в двадцать лет я начала дневник, который вела до сорока. Завершив его, я поняла, что передо мной — основа будущей книги. Сделанные на протяжении двадцати лет записи помогли мне осознать, на какую следующую тему я хочу поговорить с читателем: на тему взросления.

Если вам кажется, что вы опоздали жить, медленно или неправильно вырастаете или постоянно наступаете на одни и те же грабли (а другие, в белом тренче, нет), возможно, вы просто никогда не видели, как вырастают другие. Наблюдали этот процесс не на длинной дистанции, а замечали только яркие вспышки успеха. Вжух — и замуж, вжух — и кандидатская степень, вжух — и трешка в центре и руководящая должность в Сколково.

Все, что было между, опускается за отсутствием спецэффектов, и оттого кажется, будто и не было ничего. Человек без напряжения, играючи, поставил флаг на вершине, откуда машет вам рукой с улыбкой и бокалом просекко.

В этой же книге вас ждет повествование о том, что значит вырасти, без купюр. Пробовать, ошибаться,

лажать, быть нелюбимой, быть одинокой, быть в отчаянье и чувствовать себя говном. И все это несмотря на миллионные тиражи моих книг и успех в итоге.

Текст, который вы прочтете, не художественный вымысел. И, что важно, не воспоминания. Здесь нет прошлого, пересобранного памятью, умеющей сочинять и приукрашивать, чтобы сохранить лицо.

То, что было, стало словом, слово стало текстом, текст — рекой, в которую я, взяв читателя за руку, намеренно выбрала войти дважды. Чтобы из своих сорока поговорить с той собой, в которой сегодня многие узнают себя.

Что я собираюсь делать: идти вдоль верстовых столбов, отмеряющих годы моей жизни от двадцати до сорока лет, делиться записями, относящимися к каждому отрезку пути, и отвечать на вопросы «Что было дальше?» и «Чем все закончилось?». Осталось ли важным то, что в тот момент казалось воздухом (забери — и умрешь)? Как вообще менялись приоритеты, что выходило на первый план, что отваливалось за ненужностью? Что было первостепенным в работе в двадцать пять и перестало таковым быть в тридцать четыре?

Окончание университета, работа (очень много работы), брак, развод, одиночество, бессмысленные свидания, выгорание, встреча с «тем самым», новый брак, рождение детей, семейные кризисы, становление себя как писателя, переезд из города в деревню и обратно — у меня для вас припасено множество историй. Не для назидательного примера или образца, а для живого доказательства, насколько же мы все из одной

колыбели, какими близкими друг к другу тропами ходим, пусть и в разных декорациях.

Встречаясь с собственной наивностью, глупостью, неоправданным самодовольством и ничем не подкрепленными амбициями, начинаешь лучше понимать проблему поколений. Я смотрю на себя двадцатилетнюю и мне часто хочется сделать жест «рука-лицо», закатить глаза и громко фыркнуть. Впрочем обнять себя и пожалеть тоже хочется — той девочке некому было сказать, что все преходяще: разбитые коленки заживут, пепелища затянутся незабудками.

Когда ты только начинаешь жить и *все впервые*, впечатления остры, радость пронзительна, невзаимность — на разрыв аорты. Это потом понимаешь, сколько этого (всего!) еще впереди, а значит, можно не держаться зубами за полы чужих пальто, будто ни любви, ни дружбы больше не будет. Но это потом. Когда нет еще ни панциря, ни скорлупы, хребет податлив и мягок, а слезы обжигают горячи, мир представляется преисподней, к встрече с которой тебя не готовили.

Дневники молча хранят то, что когда-то билось в истерике, и без осуждения свидетельствуют: было так. И вот так. И так. А по-другому не было, но об этом уже не время горевать, жизнь связала другой узор, в котором тоже много красоты и светлой печали.

То, что решительно невозможно оценить в юности, сейчас как мед.

Чем мои дневники могут быть полезны вам? Тем, что личный пример раздрая, который был пережит и не один раз, уже сам по себе терапия наблюдением:

если другой варился в таком же котле и справился, значит, и я смогу. Вы действительно сможете. Даже не сомневайтесь.

Для кого-то мой голос будет голосом матери, крестной, старшей подруги. Для кого-то — ровесницы. Кому-то я вообще покажусь ворчливой старухой, за которой по пятам труха сыплется. Как бы там ни было, у меня вот здесь (показывает на толстую стопку листов черновика) и вот здесь (прижимает руку к сердцу) вызрела и налилась соком новая книга.

Старуха во мне знает, как обращаться с пеплом. Девочка молодым щенком берет след к радости. Женщина просто разрешает всему этому хаосу быть и замешивает на нем сдобные булки и сладкие пироги. Латает экзистенциальные дыры домашней суетой, не подпуская смерть к дому запахами голубцов и картофельных запеканок.

Я приглашаю вас к честности с собой. К путешествию по вехам взрослости. К тихой беседе, которую никогда не сможет смоделировать ИИ — просто потому, что он не целовался на вокзале, не ехал в заледеневшем троллейбусе пьяным и счастливым, не сжимал кулаки до белизны костяшек пальцев от бессилия. А мы все это делали — и сделаем еще не раз. Живые, уязвимые, хрупкие, *взрослеющие*. Ужасно неправильные и до ужаса в этом трогательные.

Пусть так и будет.

Эта история начнется с двадцатой главы.

20

Послушайте, без всяких намеков, скажу прямо и просто: вы меня не любите и не можете любить. Послушайтесь моей опытности и поверьте безусловно. Ведь мое сердце начало биться давно: положим, билось фальшиво, невпопад, но это самое научило меня различать его правильное биение от случайного. Вам нельзя, а мне можно и должно знать, где истина, где заблуждение, и на мне лежит обязанность предостеречь того, кто еще не успел узнать этого.

И. Гончаров. «Обломов»
(письмо Обломова к Ольге)

НЕ СМОГУ БЕЗ НЕГО

«Я, наверное, не смогу без него. Никогда не смогу без него. Ведь я уже не я. И он уже не он. Давно растворились в друг друга. До сих пор не верю, что он со мной. Обнимает за плечи. Держит за руку. Целует в висок. Стоит у окна. Заваривает кофе. Курит...»

Что ж, пожалуй, с этой точки и начнем. С момента, когда мир до этой точки сужается и помещается в одного человека. Встреча с которым — конечно же — предопределена судьбой, а расставание смерти подобно.

Первая взаимная любовь будто предлагает примерить вечность. И опрометчиво решить: с ним и состарюсь. Хотя нет там особо мыслей о старости. А о чем есть? О том, что вот она, настоящая жизнь. Взрослая жизнь. Где ты уже не бесхозный подозрительный предмет из объявления в метро, а *чья-то*.

Где кто-то пишет тебе: «Скучаю». Желает доброго утра. Спрашивает: «Как дела», «Как настроение», «Что делаешь».

От этих простых и безыскусных вопросов юная душа трепещет ленточкой на ветру, даже если это оградительная лента и на ней написано: «Осторожно!» Интерес парня — это не интерес мамы с папой или подружки. «Вы ничего не понимаете, это другое» (с). И это действительно другое: личное, телесное, потаенное.

Первая взаимная любовь — это первый опыт слияния и поглощения, растворения кубиком сахара в чае чужой жизни, кажущейся такой неотделимой от твоей. Именно в юности мы получаем возможность максимально полно прожить то, что с годами будет даваться все сложнее: беззаветное служение любви, безусловное принятие другого, почти библейскую жертвенность. Открытое сердце, закрытые глаза.

С возрастом это проходит: свидания все больше напоминают собеседования. В юности же симпатия